
Академическом списке первоначально было написано «22» (« \overline{KB} »), а потом последняя буква была выскоблена и «22» превратилась в «20»⁵⁴. Оба списка появились практически в одно и то же время (начало-середина 40-х г. XV в.)⁵⁵. Возможно, Академический список в этом месте лучше отражает чтение общего протографа НЛ младшего извода, в котором срок второго княжения Мстислава Владимировича был определен 22-летним сроком?

Таким образом, дополнительная информация летописной статьи 1088 г., сохранившаяся в тексте ряда летописей, заслуживает пристального внимания, т. к. отражает более ранний вариант сообщения об уходе Святополка из Новгорода, чем тот, что сохранился в Ипатьевской и Радзивилловской летописях. Эта дополнительная информация позволяет разрешить некоторые хронологические противоречия письменных источников и внести коррективы в порядок замещения новгородского стола в последней четверти XI в. Не только Мстислав Владимирович дважды занимал новгородский стол, но и Давыд Святославич. Первое новгородское княжение Мстислава Владимировича началось после ухода из Новгорода Давыда Святославича. И случилось это на рубеже 80-х и 90-х г. XI в. С этого времени новгородский стол (за исключением двухлетнего повторного княжения Давыда Святославича) на длительное время (47 лет) переходит к потомкам Всеволода Ярославича.

⁵⁴ Там же. С. 161. Прим. 27.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. III. С. VI; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 73–75.

П. В. Лукин

«ПОТОЧИ МЪСТИСЛАВЪ ПОЛОТЬСКИЙ КНЯЗЬ». ОБ ОДНОЙ ИЗ ФОРМ НАКАЗАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Под 6638 (1129/30¹) г. в Ипатьевской летописи (далее — Ип.) читается следующее известие «Поточи Мъстиславъ Полотьский князь съ женами и с дѣтми въ Грѣкъ, еже преступиша хрестъное челоование»². Под 6648 (1139/40³) г. после сообщения о вокняжении в Киеве Всеволода Ольговича в этой же летописи говорится об их возвращении и в связи с этим приводится более подробный рассказ о постигшей их каре: «В то же время взиждоста княжича два изъ Ц(есар)лгорода: заточени били Мъстиславомъ великомъ, княземъ Киевскимъ, зане не бляхоуть его воли и не слышахоуть его, коли е зовашеть в Роускою землю в помощь, но паче молвахоу Бонякови шелоудивому во здорвье. И про се сѧ и Мъстиславъ разъгнѣвасѧ на нѣ, и хоташе на нѧ ити». Однако, по словам летописца, такой поход был в то время невозможен из-за половецкой угрозы. Когда же Мстиславу удалось нанести поражение половцам, он

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ (проект «Народные собрания у восточных и западных славян» № 05-01-01074а), Фонда содействия отечественной науке и Фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung) (Германия) в рамках проекта “Popular Assemblies of the Eastern and Western Slavs: a comparative Study” (AZ/05/SR/06).

¹ О дате см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 130, 134.

² ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 293.

³ О дате см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 139.

«поману первѣи, посла по Кривитьстѣи кн(я)зѣ: по Дав(ы)да, по Ростислава, и С(вя)тослава, и Рогъволодича два. И оусажа оу три лодѣи, и поточи и Ц(еса)рюградоу за неслоушание ихъ, а моужи свои посажа по городомъ ихъ»⁴. Рассказ о несчастье, постигшем полоцких князей содержится и в статье Московском летописном своде под 6637 г., которая, как показал А. Н. Насонов, восходит к источнику Московского летописного свода конца XV в. (далее — МЛС), представлявшему собой редакцию южнорусского летописного свода, «местами, отличавшуюся от... Ипатьевской летописи»⁵: «Того же лѣта поточи Мъстиславъ князи Полоцкыи Царюграду и с женами и съ дѣтми, зане не бяху въ воли его и не послушаху его, егда зовяшеть и в Русскую землю собѣ в помощь. И разгнѣвася на ня Мъстиславъ и хотѣ на них ити, но нелзѣ бѣше тогда, Половци налегоса на Русскую землю... Егда же упразднися Мъстиславъ от рати, и помяну перьвыи гнѣвъ свои, пославъ по Кривѣские князи, по Давида и по Ростислава и Святослава, и по Рогъволодовича два, по Василья и по Иоана, и всаждавъ их в лодии и поточи их къ Царюграду за ослушание ихъ, а по городомъ их посажа мужи своя»⁶. Как мы видим, в южнорусском источнике МЛС сохранились имена Рогволодичей. В целом же известия близки, отличается лишь то, что в Ип. информация о событиях разведена между двумя статьями, в МЛС же она представлена в одной статье. Н. Г. Бережков считал вариант Ип. следствием позднейшей редактуры (другой вариант он знал не по МЛС, а по Воскресенской летописи, где представлен тот же источник, только в более поздней обработке)⁷.

Обычно акция Мстислава трактуется как ссылка полоцких князей в Византию⁸. Это отчасти верно, но даже из чтения только приведённого отрывка становится ясно, что действия киевского князя носили характер не просто расправы, а (по крайней мере, с его точки зрения, и, надо думать, с точки зрения летописца) — наказания за совершённое полоцкими («кривичскими») князьями преступление. Об этом недвусмысленно говорится в тексте: они нарушают («преступают») крестное целование, отказываются подчиняться сюзерену («не бяхоуть его воли»), проявляют благожелательность к врагам «Русской земли» — половцам — и отказываются участвовать в совместных действиях против них. Слово «разгнѣвася» здесь надо понимать, конечно, не как эмоциональное состояние князя, а как предъявление обвинения, именно в этом значении лексема «гнѣвъ» и её производные использовались в древнерусских юридических памятниках (см., например, ниже в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом).

Недавно А. В. Рукавишников высказал мнение о несоответствии действительности версии южнорусского летописания о том, что полоцкие князья были сосланы за отказ участвовать в совместной борьбе против половцев. По его мнению, эта расправа была эпизодом длительной борьбы между киевскими «Ярославичами» и полоцкими «Рогволодичами»⁹. Сама по себе эта интерпретация не имеет прямого отношения к данной теме, поскольку здесь идёт речь не о политической борьбе, а о её юридическом оформлении. Но идея об измышлениях летописца заслуживает обсуждения. Уже тот факт, что рассматриваемая мотивировка присутствует в двух вариантах южнорусского летописания XII в., сохранившихся в Ип. и МЛС, источниках ранних и достоверных, вызывает сомнения в обоснованности гипотезы А. В. Рукавишникова. Никакой альтернативной мотивировки ни в одном другом источнике нет, даже в «Истории» В. Н. Татищева, которую привлекает автор для подтверждения своей идеи о противостоянии Ярославичей и Рогволодичей¹⁰. Однако А. В. Рукавишников приводит два аргумента «от противного» в поддержку своей позиции: в источниках нет сведений о борьбе Мстислава с половцами, и полоцкие князья никогда не принимали участие в войнах с кочевниками. Их приходится признать

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303–304.

⁵ Насонов А. Н. История русского летописания. XI — начало XVIII в. М., 1969. С. 288, 293.

⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 31. 6637 г. здесь, очевидно, мартовский, соответствующий 6638 ультрамартовскому году, под которым об изгнании полоцких князей сообщается в Ип. (см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 139, 327 (примеч.)).

⁷ Там же. С. 139.

⁸ См.: Рукавишников А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 99.

⁹ См.: Там же. С. 99–111, особенно: С. 107.

¹⁰ Очень странно, что в своём текстологическом анализе А. В. Рукавишников не учёл упоминавшуюся выше принципиально важную работу А. Н. Насонова («История русского летописания»), в которой рассмотрено южнорусское летописание XII в.

несостоятельными. Помимо указанной самим А. В. Рукавишниковым победы Ярополка над половцами в Посулье сразу после вокняжения Мстислава, нужно отметить набег семитысячного отряда половцев в 6636 (1127¹¹) г., в организации которого Мстислав обвинил Всеволода Ольговича («повель еси Половци»). Конфликт удалось уладить дипломатическим путём с участием духовенства, и в результате Всеволод принял участие в масштабном походе на полоцких князей «четырьмя путями» в августе того же года¹². Сходство обвинений как Всеволода Ольговича, так и полоцких князей очевидно. Таким образом, никаких оснований сомневаться в том, что в качестве предлога для борьбы со своими противниками на Руси, Мстислав использовал половецкий фактор, нет. Поскольку это был предлог, то не имеет никакого значения, имели ли ранее обыкновение полоцкие князья участвовать в борьбе со Степью или нет.

Итак, перед нами, несомненно, наказание за *политическое преступление*. Однако, если мы обратимся к памятникам древнерусского права домонгольского времени, то мы не обнаружим в них этого состава преступления, зато увидим такое наказание, как «поток» или «поток и разграбление». В Пространной Правде оно фигурирует как мера наказания в трёх статьях, соответственно за разбой «безъ всякая свады» (т. е. убийство в разбое без всякого повода, без ссоры); конокрадство; поджог гумна и двора¹³. Подробнее всего характеризует её статья 7: «Будеть ли сталь на разбои безъ всякая свады, то за разбоиника люди не платять, но выдадять и всего съ женою и с дѣтми на потокъ и на разграбление»¹⁴. Виновный подвергается наказанию не только сам, но вместе с членами семьи; «люди» (т. е. члены той местной общности, членом которой является преступник) не несут за него ответственности; он перестаёт к ней принадлежать (его «выдают»); далее с ним происходит нечто, характеризующее в тексте как «поток и разграбление». Две другие статьи дают некоторую дополнительную информацию. В статье 35, где речь идёт среди прочего о «коневом тате», говорится: «...аще будетъ коневыи тать, выдати князю на потокъ»¹⁵. Здесь мы видим, во-первых, что упоминается только один элемент наказания («поток»), во-вторых, становится ясно, кому выдавали преступника — непосредственно осуществляла наказание государственная власть (князь), хотя инициировала его местная общность, к которой принадлежал преступник, или на территории которой и, очевидно, в случае конокрада, силами которой он был задержан. Наконец, в статье 83 «О гумнѣ» фигурирует уже «поток и грабеж»: «Аже зажгутъ гумно, то на потокъ, на грабежъ домъ его, переди пагубу исплативши, а въ процѣ князю поточити и; тако же аже кто дворъ зажжеть»¹⁶. Здесь подразумевается, очевидно, что виновный должен сначала возместить ущерб потерпевшему («исплатити пагубу») и только затем подвергнуться наказанию. Употребляемый глагол «поточити» (в других списках — «источити»), надо полагать, относится и к «поток», и к «грабежу»: князь применяет эту меру наказания к преступнику «въ процѣ», т. е. в отношении того остатка, который у него сохраняется после выплаты ущерба потерпевшему. М. Б. Свердлов полагает, что «источити» здесь — это только «наказание изгнанием», которое «становится княжеской прерогативой»¹⁷. В таком случае непонятен смысл выражения «в проце» («въ прочи=въ проче» —

и, в частности, показаны источники текста МЛС за это столетие. Он, правда, упоминает вывод А. Н. Насонова о наличии в МЛС оригинальных известий, которые должны быть возведены к южнорусскому источнику XII в., но ссылается почему-то не на самого А. Н. Насонова, а на Я. С. Лурье (см.: Рукавишников А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию. С. 104). В результате допускаются ошибки. Так, статья 6636 г. МЛС не основывается на каких-либо ранних, неизвестных по другим летописям, источниках, и поэтому её указание на приход Рогволода из «замория» «во дни Святослава Игоревича», вопреки А. В. Рукавишникову, не может быть положено в основу реконструкции исторической действительности. Вариант этой статьи МЛС вообще явно вторичен по отношению к Лавр., в которой сохранилась самая ранняя версия рассказа о Всеславичах (см. сопоставление текстов: Там же. С. 102–104).

¹¹ См. о дате: Березжков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 43.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 291–292.

¹³ Правда Русская / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты. С. 104–105, 107, 113.

¹⁴ Там же. С. 104–105.

¹⁵ Там же. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 113.

¹⁷ Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 154.

относительно остального¹⁸). Несколько иначе толковал эту статью чешский исследователь Владимир Прохазка: «... имущество поджигателя карается наказанием уничтожения, но перед этим из него платится компенсация пострадавшему, а в конце концов остаток имущество конфискует князь». По его мнению, «источити» здесь вообще не изгнание, а конфискация; «собственно уничтожение осуществляют анонимные представители общества, князь вмешивается полезным для его казны способом»¹⁹. Здесь, однако, не учитывается семантика лексемы «поток», связанная, прежде всего, с изгнанием, ссылкой²⁰.

«Разграбление» (но без «потока») упоминается в качестве кары для «русина» в рижской редакции договора Смоленска с Готским берегом 1229 г., в 6-й статье которой говорится: «Аще князь възвержетъ гнѣвъ на роусина и повѣлитъ юго розграбити съ женою и съ дѣтми, а роусинъ долженъ боудеть, немчицю на перѣдѣ, взати, а по томъ, како б(о)г(о)ви любо и князю»²¹. Статья посвящена, собственно, не самому наказанию, а коллизии, возникающей в связи с его назначением: как быть, если подлежащий «разграблению» преступник оказывается должником своего зарубежного партнёра? Договор оговаривает право «немца» получить причитающуюся ему сумму из имущества осуждённого и лишь затем исполнить приговор. Отсюда с необходимостью следует, что «разграбление», которому подвергался преступник носило тотальный характер: после него получить долг у виновного не представлялось возможным. Приговор выносит и, очевидно, обеспечивает его реализацию князь. В более поздней, готландской редакции договора, относящейся ко второй половине XIII в.²², эта статья выглядит несколько иначе: «Аже разгнѣвакъ сѧ князь на своѧго ч(е)л(о)в(е)ка, а боудѣте винѣвать немчицю роусинъ, а ѡтмѣть князь все, женоу и дѣти оу хольпство; пѣрвокъ платити юмоу латинину, а по томъ князю, как любо съ своимъ ч(е)л(о)в(е)комъ»²³. Здесь раскрывается выражение первой редакции «розграбити с женою, [и] с дѣтми». Разграбление означало отнятие у осуждённого всего имущества, а его жена и дети обращались в рабство.

Это же наказание, очевидно, имеется в виду и в статье 13 «Правосудия митрополичья», юридического памятника, по-видимому, XV в.: «А д(у)шегоубца велит(и) казнити градским законом: осѣчи ег(о) да продати, как стечет(ь), а дом его на грабеж»²⁴. М. Н. Тихомиров так переводит эту статью: «А убийцу велят казнить городским законом, избить его и продать [в рабство], как приведётся, а дом его на грабёж»²⁵. Перевод нельзя признать вполне точным. «Градъский» («градъный», «гражданъский») закон — это не «городской закон», а светский, гражданский, мирской закон в противоположность церковным канонам²⁶. Глагол «осѣчи» может значить не только «избить», но и «изувечить»²⁷. Именно так понимает это выражение польский историк Анджей Поппе («Выданному на “поток” убийце могло грозить дополнительно покалечивание»)²⁸. «Продати» — это не только «продать в рабство», но и «наложить пеню», штраф²⁹. Какое именно наказание имеется в виду в данном случае, сказать сложно. Во всяком случае, под «грабежом» здесь явно подразумевается та же кара, что и «разграбление» в договоре 1229 г. и пространной редакции «Правды Русской».

¹⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1606.

¹⁹ Procházka V. Trest zničení a rozchvácení delikventova majetku u Slovanů // Právněhistorické studie. Praha, 1956. Č. II. S. 269.

²⁰ См.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Стб. 1292 (потокъ), 1294 (поточити); Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) (далее — СДРЯ). М., 2004. Т. VII (поклепанъ-працоуръ). С. 343 (потокъ), 347 (поточити).

²¹ Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г. // Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / подг. к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин, под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963. С. 41. Цитируются список Е рижской редакции и список А готландской редакции как наиболее ранние, согласно наблюдениям В. А. Кучкина (см. ниже).

²² О текстологии договора см.: Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3. Ср.: Кузнецов А. М. К вопросу о датировке списков А и Е Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 44–46.

²³ Торговый договор. С. 21–22.

²⁴ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подготовил Я. Н. Ццапов. М., 1976. С. 210.

²⁵ Тихомиров М. Н. Правосудье митрополичье // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 55.

²⁶ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. III (добродѣтельно—изгечисѧ). С. 318.

²⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Стб. 755.

²⁸ Poppe A. Potok i grabież // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1970. Т. IV. S. 252.

²⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Стб. 1522.

Что же такое «поток и разграбление»? Хотя В. Прохазка и заметил, что для истории права почти всех славянских народов характерна слабая разработанность темы³⁰, учёные, особенно, специалисты по истории права, конечно, задумывались об этом. Однако в их объяснениях почти всегда обнаруживается некоторая неопределённость. Так, М. Ф. Владимирский-Буданов писал, что «потоком называется лишение личных прав, а разграбление — прав имущественных; и то, и другое составляет одно наказание, а не два вида наказаний». Учёный полагал, что «первоначально поток и разграбление имели неопределённое значение: с лишённым прав и его семьёй можно было сделать что угодно» и даже, что из этой формы наказания выросли «все виды уголовных кар», как-то: изгнание и ссылка, болезненные и членовредительские наказания, смертная казнь. М. Ф. Владимирский-Буданов обратил внимание и на летописные сообщения, которые одни только могут дать конкретную информацию о том, что собой реально представлял «поток и разграбление» (в т. ч. он упомянул и расправу Мстислава Владимировича с полоцкими князьями)³¹.

В. И. Сергеевич совершенно справедливо заметил, что «на основании текста Правды (Русской. — П. Л.) это наказание является мало понятным». Добавлю, что это же относится и к другим цитируемыми выше юридическим памятникам. Попытку выхода из ситуации, предложенную учёным, правда, следует признать неудачной. Он полагал, что «поток и разграбление» — это для Руси «новый вид наказания, возникший под влиянием Византии». Аргументом для В. И. Сергеевича служили славянские переводы византийских сборников светского законодательства, из сличения которых с оригиналом «оказывается, что там, где в оригинале говорится о конфискации и ссылке, для чего употреблялось выражение “publicatis bonis relegantur”, в русском переводе стоит: “розграблены бывше да изженутся”»³². Ошибка В. И. Сергеевича состояла, во-первых, в том, что он исходил из внешней, формально-юридической стороны «потока и разграбления», рассматривая его с точки зрения современных ему правовых понятий («конфискация имущества», «лишение свободы»), а, во-вторых, в том, что он ограничился только русскими и только юридическими источниками.

И. Малиновский пришёл к выводу о том, что «поток и разграбление» — это «лишение личных и имущественных прав», применявшееся княжеской властью: «Преступник выдавался князю, и князь мог с ним сделать, что хотел». Ясно, что такая оценка была им почерпнута опять-таки из древнерусских юридических памятников. При этом, что удивительно, он буквально на той же странице упоминал в связи с «потоком и разграблением» о вечевых расправах в Новгороде и о том, что «подобного рода неопределённая расправа с тяжким преступником известна и другим древним народам»³³. Но на общую характеристику явления это никак не повлияло: для историка права «главными» источниками оставались юридические памятники.

Уязвимость позиции В. И. Сергеевича и, по сути дела, формально-юридического подхода в целом верно подметил А. Поппе. Именно он в короткой, но чрезвычайно содержательной статье охарактеризовал *сущность* этого древнерусского наказания и *причины его аморфности*. По словам исследователя, это «соединённое наказание, исполнявшееся по отношению к личности и имуществу виновного». А. Поппе не ограничивается Пространной Правдой и обращает внимание на летописные сообщения, «которые позволяют сделать вывод, что этой каре подлежали также за преступления *политического характера* (курсив мой. — П. Л.)». Отмечает он и дискуссионность формы этого наказания, выделяя три точки зрения: поток как высылка; баннитство (лишение прав); продажа в рабство, возможно, за пределы страны. Истоки этого наказания А. Поппе относит к догосударственной эпохе, «когда община исключала преступника из своего коллектива вплоть до физического устранения включительно, уничтожая и “разграбляя” его имущество». Государство восприняло название этой кары, изменив её по существу: имущество теперь конфисковывалось «в пользу княжеской казны». Сам А. Поппе склоняется к пониманию «потока» как «выведения преступника за скобки общности, к которой

³⁰ См.: Proházka V. Trest zničení a rozchvácení delikventova majetku u Slovanů. S. 258.

³¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 387–389.

³² Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 394–395.

³³ Малиновский И. Лекции по истории русского права. Ростов-на-Дону, 1918. С. 342, 343.

он принадлежал, с лишением правоспособности»; «разграбления» — как «конфискации всего имущества, к которому принадлежали также жена и дети». При этом «иногда ему сопутствовало также уничтожение части имущества — сожжение дома, символизирующее, вероятно, окончательное исключение осуждённого из общества». В случае же «преступлений политического характера это могло быть лишение жизни... нанесение увечий (особенно ослепление), наконец, баннитство, иногда вместе с семьёй...»³⁴.

Схожую точку зрения не так давно высказал в отечественной историографии М. Б. Свердлов. Он определил его как «архаическое по происхождению наказание в виде изгнания и объявления вне закона» и сопоставил с аналогичной карой, упоминающейся в древнескандинавских судебныхниках. По словам М. Б. Свердлова, «в период “военной демократии” и в раннее средневековье “поток” — изгнание являлось страшным для преступника наказанием, которое вместе с разграблением дома ставило преступника и его семью на край гибели»³⁵.

Выводы А. Поппе во многом (хотя и не во всём — об этом будет сказано ниже) представляются обоснованными и, более того, чрезвычайно существенными для понимания многих событий древнерусской общественно-политической жизни, трактовка которых в историографии постоянно сталкивалась с серьёзными трудностями. Эти трудности в общем можно свести к двум основным аспектам: проблемы в интерпретации встречающихся в источниках терминов «поток» и «разграбление», а также близких к ним («поточити», «заточити», «грабеж» и т. п.) и затруднения в интерпретации исторических ситуаций, при описании которых данные термины не употребляются, но которые, по моему мнению, не могут быть адекватно поняты без учёта феномена «потока и разграбления» (например, описания расправ на вече или сразу после вечевого собрания или отчасти расправы князей над теми, кого они считали политическими преступниками).

Не вызывает сомнений архаический характер «потока и разграбления». Об этом ясно свидетельствуют данные, относящиеся к германцам, скандинавам и западным славянам³⁶. Наиболее раннее упоминание о нём содержится в Саксонском капитулярии Карла Великого 797 г., где говорится о наказании человека, не подчиняющегося судебному приговору: «... пусть, созвав общее собрание, соберутся вместе сами жители округа и если единодушно согласятся — пусть подожгут его (дом и двор. — П. Л.), для его усмирения; тогда пусть это будет сделано согласно общему постановлению этого собрания, согласно их древнему праву...»³⁷. Автор новейшего обзора по истории *Wüstung* — аналога русского «разграбления» в немецком праве — Л. Лаубенбергер, правда, решительно высказывается против «защищавшейся в старой историографии точки зрения о том, что средневековая *W[ü]stung* якобы была практиковавшимся с германской первобытности административным образом действий против имущества правонарушителя в связи с наложением наказания лишения мира», и считает, что она «не находит поддержки в источниках». В качестве аргумента он приводит то обстоятельство, что «самое раннее, единично стоящее указание на этот правовой институт обнаруживается только в изданном в 797 г. саксонском Капитулярии... Карла Великого и предусматривает *W[ü]stung* в форме сожжения дома только как назначающуюся во внесудебном порядке насильственную меру по отношению к лицу, отказывающемуся

³⁴ *Poppe A. Potok i grabież. S. 251–252.*

³⁵ *Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 153–154.*

³⁶ Самое подробное исследование наказания, аналогичного славянскому «поток и разграблению», в средневековой германской и романской и романской Европе см.: *Coulin A. Die Wüstung. Ein Beitrag zur Geschichte des Strafrechts unter besonderer Berücksichtigung des deutschen und französischen Hochmittelalters // Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft. Stuttgart, 1915. Bd. XXXII. S. 326–501.* См. также о славянах и германцах: *Procházka V. Trest zničení a rozchváčení delikventova majetku u Slovanů; Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. С. 153–154; Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 356–361.*

³⁷ *Leges Saxonum und Lex Thuringorum / ed. C. von Schwerin. Hannoverae et Lipsiae, 1918 (Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum ex MGH separatim editi). S. 48.* В оригинале: ...condicto commune placito simul ipsi pagenses veniant et si unanimiter consenserint pro districtione illius causa [в другом списке: causae, Г. Вайтц предлагает конъектуру: casa] incendatur; tunc de ipso placito commune consilio facto secundum eorum ewa fiat peractum... См.: *Procházka V. Trest zničení a rozchváčení delikventova majetku u Slovanů. S. 257; Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. S. 357.*

выполнять постановление суда»³⁸. Однако здесь не учитывается то, что, согласно Капитулярию, Карл Великий отнюдь не создал его наказание, но разрешил саксам использовать их обычное право, действовать в соответствии с их (а не Франкского государства!) «древним правом» (*secundum eorum ewa fiat peractum*). Кроме того, Л. Лаубенбергер напрасно, как представляется, не принял во внимание и сравнительно-исторические параллели, в частности, славянские и балтские.

«Поджог» и «безостановочное разграбление» (*incendium* и *continua depredatio*) упоминаются Титмаром Мерзебургским в качестве наказания в отношении лица, не подчиняющегося решению собрания, при характеристике общественно-политического строя лютичей³⁹. Согласно «Житию св. Адальберта-Войтеха, епископа Пражского», написанному Бруноном Кверфуртским в первом десятилетии XI в., схожую кару знали и балтские пруссы. По словам Брунона, «тому же, кто, живя близ входа в (их. — П. Л.) страну, пропускает в этом месте добрых гостей (т. е. миссионеров. — П. Л.), они угрожают смертью; обещают, изрыгая гнев, сжечь (его. — П. Л.) дом, разделив имущество, продать (в рабство. — П. Л.) жён и детей»⁴⁰. Разумеется, это не просто угрозы отомстить, а составные части того же самого наказания, о котором применительно к лютичам пишет Титмар, — наказания за противодействие воле политической общности. Хенрик Ловмянский, думается, совершенно справедливо усмотрел в этом сообщении свидетельство существования у пруссов кары за несоблюдение вечевых решений или сопротивления им (здесь очевидна прямая параллель к германским и славянским институтам обычного права), однако, рассматривая прусские отношения вне сравнительно-исторического контекста, видел здесь ряд альтернативных наказаний, а не элементы одного наказания: «Территориальный союз (у пруссов. — П. Л.) не терпел со стороны своих членов несоблюдения вечевых решений и сопротивления; непослушные, так же, как чужеземцы, нарушающие права и обычаи земли, подвергались суровой каре — иногда это могла быть конфискация имущества, обычно, однако — смерть через повешение или пытки»⁴¹. Источник, однако, говорил о другом. Он не знает разных типов кары за это преступление против социума; речь идёт, напротив, о комбинированном наказании для *одного и того же* преступника — его ждёт и смертная казнь, и сожжение жилища, и продажа в рабство членов семьи, и разграбление. На последнем стоит остановиться подробнее. Логика исследователя XX в. совершенно понятна: конфискация имущества в современном праве — это стандартное дополнение к основному наказанию для лица, совершившего тяжкое преступление. Но здесь идёт речь отнюдь не о конфискации, а о разделе имущества (*divisus rebus*), очевидно, членами того самого «территориального союза», о котором пишет Х. Ловмянский.

И у германцев, и у западных славян соответствующее наказание могло сопровождаться *изгнанием* за пределы той общности, которая его налагала. Как отмечает польский историк Кароль Модзелевский, «сожжение дома означало лишение человека места среди людей, устранение за пределы общины, а в результате — лишение субъектности и какой-либо правовой защиты (мира, безопасности). У изгнанного можно было всё безнаказанно забрать, можно было его также убить без выплаты вергельда и опасности подвергнуться вражде со стороны родственников»⁴². Здесь, очевидно, надо искать корни *политического*

³⁸ Laubenberger L. W[üstung] (als Strafe) // Handwörterbuch zu deutschen Rechtsgeschichte (HRG) / hg. von A. Erler, E. Kauffmann und D. Werkmüller unter philologischer Mitarbeit von R. Schmidt-Wiegand. Mitbegründet von W. Stammler. Berlin, 1996. 39. Lieferung. «Wormser Reformation-Zunft». Kol. 1587.

³⁹ Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon / Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova Series. B., 1935. T. IX. Hg. von R. Holtzmann. VI. 25 (18). S. 304. См. об этом: Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. Bd. 33). S. 212–213; Lowmiański H. Początki Polski. Warszawa, 1970. T. IV. S. 90–91; Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. S. 358–359.

⁴⁰ S. Adalberti Pragensis episcopi et martyris Vita altera auctore Brunone Querfurtensi / ed., praef. notisque instr. J. Karwasicska. Warszawa, 1969 (Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. T. IV. Fasc. 2). S. 32: Illi vero qui in ingressu regni positus bonos hospites eo loci dimisit, mortem minantur; domum incendere, divisus rebus uxores et filios vendere spumante ira pollicentur. См. об этом: Procházka V. Trest zničení a rozchvácení delikventova majetku u Slovanů. S. 274–275, pozn.

⁴¹ Lowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983 (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Seria Historia. Nr. 108). S. 323.

⁴² Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. S. 361.

применения «потока и разграбления», с которым мы встречаемся и в Древней Руси. В гораздо более позднее время такое же содержание имело аналогичное наказание в хорватской Полице. Б. Д. Греков прямо сопоставляет его с «потоком и разграблением» Русской Правды. Это наказание, как отмечает исследователь, «в Полицком статуте раскрывается достаточно конкретно. Наказание это состоит в сожжении или разрушении дома, и в изгнании его самого из Полицы, в лишении его прав полицкого гражданства. В ст. 88 это наказание за нарушение «единодушия, мира, братства и единения» изображено так: «дом (“куча”) его (преступника. — Б. Г.) да будет сожжён, а он сам да будет осуждён на изгнание». Примечательно, что в Полицком статуте это наказание предписано не за тяжкие уголовные, а за политические преступления⁴³.

Тем самым гипотеза о византийском происхождении «потока и разграбления» оказывается несостоятельной. Нельзя не согласиться с А. Поппе в том, что характер славянского перевода фразы «publicatis bonis relegantur», может свидетельствовать только о том, что под «разграблением» «понималась конфискация имущества»⁴⁴. Более того, в средневековой Далмации латинский термин «publicare» применялся именно по отношению к правовому институту, аналогичному древнерусскому «потоку и разграблению»⁴⁵.

Дискуссионным, однако, является вопрос о степени преемственности между архаической карой, налагавшейся местной общностью, и наказанием, зафиксированным в судебнике раннесредневекового государства, каковым была Русь. По этому поводу существуют две точки зрения. Одну из них наиболее чётко сформулировал тот же А. Поппе, другую — И. Я. Фроянов. По мнению польского учёного, «поток и разграбление» на Руси представлял собой «средство репрессии», применявшееся государственной властью в своих интересах. Даже в Новгороде нет оснований усматривать «реликты догосударственной эпохи», так как вече там определяло наказание не как «народное собрание», а как «высший суверен республики»⁴⁶. И. Я. Фроянов, напротив, убеждён, что акты «потока и разграбления» «несли на себе печать... вдохновляемого обычным правом перераспределения частных богатств на коллективной основе, практиковавшегося эпизодически, от случая к случаю, в обществах переходного типа с незавершённым процессом классового образования»⁴⁷. Иными словами, И. Я. Фроянов полагает, что на Руси сохранялись не просто «реликты» догосударственного правоприменения, но существовала живая традиция, свойственная ей как обществу «переходного типа». При этом для очень многих авторов, особенно советского времени, проблемы вообще не существовало: расправы, которые вершили князья, рассматривались как эпизоды политической борьбы, а в соответствующих эпизодах на вечевых собраниях усматривали обычно проявления классового противостояния.

Такое положение в историографии связано, помимо воздействия на построения историков общетеоретических схем, с тем, что до сих пор не было предпринято последовательного анализа всех упоминаний в источниках неюридического характера «потока и разграбления» или тех ситуаций, где эта кара подразумевается, хотя прямо и не называется. Тем более, что единой терминологии не существовало. В Западной Европе существовали десятки терминов, обозначавших одно и то же наказание⁴⁸. Даже в славянском праве, для которого, по оценке В. Прохазки, была характерна в этом отношении «бедность терминологии», бытовало несколько различных понятий: в Чехии — «плен», на Руси — «поток», «разграбление», «ограбление»⁴⁹ и «грабёж», у южных славян — «пороб»

⁴³ См.: Греков Б. Д. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. // Греков Б. Д. Избранные труды. М., 1957. Т. I. С. 244.

⁴⁴ Poppe A. Potok i grabiež. S. 251.

⁴⁵ См.: Procházka V. Trest zničení a rozchvácení delikventova majetku u Slovanů. S. 260, pozn.

⁴⁶ Ibidem. S. 252. В советской историографии в гораздо более категоричной форме аналогичное мнение высказывал С. В. Юшков (см.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 486).

⁴⁷ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 221.

⁴⁸ См.: Coulin A. Die Wüstung. Ein Beitrag zur Geschichte des Strafrechts unter besonderer Berücksichtigung des deutschen und französischen Hochmittelalters. S. 341—348.

⁴⁹ По моим данным, это понятие, по крайней мере, в ранних источниках не встречается.

и «расап»⁵⁰. Кроме того, А. Поппе верно заметил, что в летописных сообщениях часто не упоминались термины «поток» и «поточити», а «приводились фактически наложенные наказания»⁵¹.

Обратимся теперь непосредственно к показаниям источников.

Прежде всего, сама *форма наказания*, по всей видимости, не претерпела с догосударственного времени существенных изменений. Все виды этой многообразной кары упоминаются в русских источниках. Чаще всего встречается **ссылка** (собственно «поток», или «заточение», «расточение») ⁵². Помимо вынесенного в заглавие работы эпизода, можно также выделить, например, рассказ, изложенный в Лавр. под 6657 (1141⁵³) г., когда киевский князь Изяслав Мстиславич обвинил служившего ему тогда князя Ростислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого в том, что тот «подмолвил» на него «люди, и Берендичи, и Кианы, а хотѣль сѣсти Кыевѣ». Это было самое настоящее политическое преступление (другое дело, что летописец считал, что Ростислав был обвинён в нём несправедливо), за которым последовало соответствующее наказание: Изяслав «ѡима оу него имѣнье, и ѡружье, и конѣ, и дружину ꙗко исковавѣ, расточи; а Ростислава всади в лодью толико самого ли четверга, пусти и къ ѡт(ь)щю»⁵⁴. Здесь приведён также характерный для «потока и разграбления» комплекс элементов; к главному виновника, правда, применяется по политическим причинам не ссылка, а, так сказать, высылка к отцу — в Ростовскую землю. Дружинники же Ростислава подвергаются более суровой каре: их отправляют в настоящую ссылку закованными в оковы. **Заковывание** вообще было частым спутником «потока», очевидным образом, отягощавшим и без того суровое наказание. Одно из самых ранних свидетельств читается в НПЛ под 6648 (1140/41⁵⁵) г.: «...потоциша Кыеву къ Всѣволоду (Ольговичу. — П. Л.) Къснятина Микулъциця, и паки по немь инѣхъ муж б, оковавъше, Полюда Къснятиниця, Дъмьяна, инѣхъ колико»⁵⁶.

Как мы видели, согласно двум статьям из трёх «Правды Русской», где идёт речь об этом наказании, «поток» сопровождался «**разграблением**» («**грабежом**»). Это правило, проявление которого мы видели на примере расправы с Ростиславом Юрьевичем и его дружиной, подтверждается и по другим летописным данным⁵⁷. Характерная для летописей формула такого наказания приведена в сообщении ПВЛ под 1096 г. о расправе Олега Святославича («Гориславича») с непокорными суздальцами: «ѡлег же ѡмиривѣ городѣ, овы изъима, а другыѣ расточи, и имѣныѣ ихъ ѡтъѣ»⁵⁸. Хотя «железным» это правило не было: могла быть ссылка без разграбления (как в случае с полоцкими князьями), ещё чаще, наоборот, бывало разграбление без ссылки⁵⁹. Такое характерно для применения этой кары по решению вечевых собраний. Чаще всего подобное происходило в Новгороде. Среди

⁵⁰ Procházka V. Trest zničení a rozchycení delikventova majetku u Slovanů. S. 259. «Болгарское слово, обозначающее этот институт, — как отмечает чешский учёный — неизвестно, а в Польше свидетельства этого института вообще отсутствуют» (Ibidem). С последним не согласен А. Поппе. По его мнению, свидетельством бытования «потока и разграбления» в Польше является упоминающееся применение этой кары в отношении Петра Влостовича (см.: Poppe A. Potok i grabież. S. 252), о чём ещё будет говориться ниже.

⁵¹ Poppe A. Potok i grabież. S. 252.

⁵² См., например: ПСРЛ. Л., 1926—1928. Т. I. Вып. 1—3. Стб. 148, 237, 320, 526; ПСРЛ. Т. II. Стб. 494, 564; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 26, 51, 53, 72, 78, 161.

⁵³ О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 55. 6657 г. в Лавр. мартовский, «поток» Ростислава Юрьевича произошёл весной-летом этого года, что даёт 1141 г. от Р. Х.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 320.

⁵⁵ О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 233—234.

⁵⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 26. См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 328, 511; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 53, 57, 72, 78.

⁵⁷ См., например: ПСРЛ. Т. I. Стб. 237, 320; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 51, 57.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 237. Вопрос о хронологии ПВЛ чрезвычайно запутан (краткий очерк истории проблемы см.: Гришина Н. Г. Хронология Рогожского летописца за IX — начало XIV вв. // Мир истории. 2002. № 8 (<http://www.history.ru/2002/08/grishina1.htm>)), поэтому здесь и далее при переводе дат от «Сотворения мира» в даты от Рождества Христова условно используется мартовское летосчисление.

⁵⁹ См., например: ПСРЛ. Т. II. Стб. 322, 328, 493, 511; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 24, 51, 54, 67, 69, 70, 88, 99, 353, 356; ПСРЛ. Т. I. Стб. 418, 490.

многочисленных примеров отметим очень яркий эпизод, зафиксированный в НПЛ под 6717 (1207⁶⁰) г., который в литературе обычно именуется «восстанием против посадника Дмитра Мирошкиничича»: «Новгородъци... створиша вѣче на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повѣлѣша на новгородъцихъ сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы имати, и все зло; идоша на дворы ихъ грабежъмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытъкъ роздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу, и на щить»⁶¹. Ясно, что здесь идёт речь не просто о стихийном бунте⁶², напротив, сначала на вече посаднику предъявляются обвинения в определённых преступлениях, которые обобщённо характеризуются как «зло», а затем вечники приводят в исполнение приговор, положенный в таком случае, очевидно, согласно нормам обычного права (разумеется, это не означает, что в этих событиях отсутствовала социальная, политическая и прочая подоплёка, она, конечно, была, но нуждалась в своеобразном правовом оформлении). М. Н. Тихомиров верно заметил об этих событиях, что в них проявляется «с одной стороны, стихийность, дававшая возможность некоторым людям тайно обогатиться, а с другой стороны, налицо организованное вмешательство государственной власти». Историк также правильно связал «грабежь», имеющий «в данном случае значение наказания» с известной ему по «Русской Правде» карой «потока и разграбления»⁶³.

Более того, право на такого рода расправы было легитимизировано владимирским князем Всеволодом «Большое Гнездо», сын которого Константин княжил тогда в Новгороде; он, по летописи, заявил новгородцам, участвовавшим вместе с ним в боевых действиях: «Кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните»⁶⁴. Именно после этого новгородцы расправились с Мирошкиничичами. Похожим образом развивалась и ситуация, описанная в НПЛ под 6778 (1270/71⁶⁵) г., когда новгородцы «съзвониша вѣче на Ярославли дворѣ», расправились со сторонниками тогдашнего новгородского князя Ярослава Ярославича (в т. ч. «взяша дома ихъ на разграбление»), а затем отправили князю на Городище грамоту, в которой подробно «исписали» «всю вину его»⁶⁶.

События 6738 (1230⁶⁷) г. в Новгороде, рассказ о которых содержится в НПЛ, приведшие к изгнанию князя Ростислава Михайловича и смене всей власти, также отмечены соединением стихийной вечерней расправы и, говоря словами М. Н. Тихомирова, «организованным вмешательством государственной власти». Точнее, вечерняя расправа оказывается способом такого «организованного вмешательства». После того, как Ростислав и посадник Внесзд Водовик отправились в Торжок, «заутра убиша Смена Борисовици. . . а домъ его весь розграбиша и села, а жену его яша, а самого погрѣбоша у святого Гюргя въ монастыри; такоже и Водовиковъ дворъ и села, и брата его Михаля, и Даньслава, и Борисовъ тысячьскаго, и Творимирици, иныхъ много дворовъ. А Водовикъ, то зло услышавъ, побеже съ Торжкю съ братьею, и Борис тысячьскыи и новотьржъчи къ Михаилу въ Църниговъ. И даша посадничество Степану Твърдиславичю, и тысячьское Миките Петриловицию, а добытъкъ Сменовъ и Водовиковъ по стомъ розделиша. . . А княжицию Ростиславу путь показаша с Торожкю къ отцеву въ Църниговъ. . . И послаша по Ярослава на всеи воли новгородьсти»⁶⁸. Здесь зафиксированы многие важнейшие элементы наказания «потока и разграбления», которому подвергаются родственники и сторонники посадника Водовика. Это и разграбление имущества с разделом его, очевидно, на основе равенства по городским сотням, и непосредственная вечерняя расправа (с Семёном Борисовичем), и арест жены лица, лишённого правовой

⁶⁰ Как показал Н. Г. Бережков, «по расчёту времени восстание против Мирошкиничичей надо датировать или самым концом октября или – вероятнее – ноябрём 6715 г. (мартовского. – П. Л.)» (Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 170).

⁶¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 51.

⁶² Ср., например, комментарий Дж. Феннела: «Толпа взбунтовалась в характерном для новгородцев стиле, грабя и поджигая дома и имущества Дмитра и его семьи, угоняя их холопов и захватывая их собственность» (Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 91).

⁶³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 243–244.

⁶⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 50.

⁶⁵ О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 273.

⁶⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 88.

⁶⁷ См. о дате: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 269–270.

⁶⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 70.

«субъектности». Самое существенное, однако, то, что эта акция легитимизируется высшим органом власти Новгорода, вечем (именно на вече новгородцы, конечно, избрали новых посадника и тысяцкого, на вече же и было принято решение о разделе имущества «преступников»). Завершающим этапом становится призывание, видимо, тем же вечем нового князя Ярослава Всеволодича на «всей воли Новгородской», которой, как выясняется, никак не противоречит архаическая юридическая процедура «потока и разграбления».

Представления новгородского владычного летописца о легитимности процедуры вечаевого разграбления очень хорошо характеризует рассказ НПЛ под 6645 (1137⁶⁹) г. о расправе со сторонниками изгнанного князя Всеволода Мстиславича: «...не въсхотѣша людье Всѣволода; и побѣгоша друзии къ Всѣволоду Пльскову, и възяша на разграбление дома ихъ, Къснятинъ, Нъжятинъ и инѣхъ много, и еще же ищюще то, кто Всеволоду приятель бояръ, тѣ имаша на нихъ съ полуторы тысяще гривень, и даша купцемъ крутитися на воину; нѣ сягоша и невиноватыхъ»⁷⁰. Помимо того, что здесь упоминается определённая градация наказания (полное разграбление или замена его штрафом, о чём ещё будет говориться ниже), что уже свидетельствует о том, что это был не просто стихийный грабёж⁷¹, здесь отразилась позиция летописца. Он осуждает не само разграбление, а его эксцессы — тот факт, что пострадали «невиноватые». Следовательно, его мировосприятию была отнюдь не чужда идея о том, что разграбление является вполне адекватным наказанием за определённого рода *вину* — в данном случае за политическое преступление.

Эти факты, между прочим, наиболее ярко демонстрируют ошибочность высказанной В. М. Живовым точки зрения о том, что «политические преступления... лежали вне русской юридической практики, не понимались как особые преступления и не разбирались в судебном порядке»⁷². Они также явно противоречат попыткам с формально-юридической точки зрения XIX—XX в. отделить «поток и разграбление» как наказание от «потока и разграбления» как «простого насилия» в ходе «столкновений в период феодальной раздробленности»⁷³.

Как и у народов «варварской Европы», элементом этой кары могло быть **сожжение дворов и домов виновных**: так, как мы видели, новгородские вечники сожгли дворы Мирошкиничей⁷⁴. В 1229 г. в ходе упоминавшейся выше расправы, организованной посадником Внездом Водовиком, новгородские вечники «Прокшинъ дворъ зажгоша»⁷⁵. Вероятно, в таком же смысле можно трактовать некоторые эпизоды расправ князей с непокорными горожанами. В случае, например, с сожжением войском Рюрика Ростиславича киевского Подола (Лавр. под 6711 (1203⁷⁶) г.) речь явно идёт не просто о взятии города «на щит», а о наказании виновных перед ним киевлян: «Взять быс(ть) Къевь Рюрикомъ и Шлговичи, и всею Половецкою землею... не токмо шдино Подолье възаша и пожгоша, ино Гору възаша, и митрополью с(вя)тую Софью разграбиша, и Десагиньную с(вя)тую Б(огороди)цю разграбиша, и монастыри всѣ...»⁷⁷. В НПЛ в известии о разгроме Киева говорится, что захватчики «град пожгоша»⁷⁸. «Град» здесь, очевидно, означает не крепость, а весь город. Деталей событий новгородский летописец, вероятно, не знал. Итак, хотя разграблен был весь город, сожжено было только Подолье. Более того, кажется, что для летописца жестокая расправа с Подольем выглядит если не оправданной, то во всяком случае понятной, а неподдельное возмущение вызывает надругательство над

⁶⁹ См. о дате: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 235, 239.

⁷⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 24—25.

⁷¹ О том, что, в частности, «фиксация сумм» говорит об определённой организации «разграбления», писал И. М. Троицкий, правда, он не определил тип наказания, назвав его конфискацией (*Троицкий И. М.* Возникновение Новгородской республики // Известия АН СССР. 1932. VII серия. Отделение общественных наук. Ч. 2. № 5. С. 370).

⁷² *Живов В. М.* История русского права как лингвосомиотическая проблема // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. II. Кн. 1. С. 668.

⁷³ *Procházka V.* Trest zničení. S. 279.

⁷⁴ См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 51. См. также С. 69.

⁷⁵ Там же. С. 69.

⁷⁶ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 69.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 418.

⁷⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 45.

христианскими храмами и духовенством. И это вполне объяснимо, так как незадолго до этого именно Подолье оказало поддержку врагу Рюрика Роману Мстиславичу и открыло ему городские ворота — именно Подольские⁷⁹.

И всё же поджог как элемент «потока и разграбления» встречается в летописях довольно редко. Любопытно, что в более поздних известиях сожжение домов сменяется их разрушением, очевидно, без уничтожения ценных строительных материалов. Так, в Синодальном списке НПЛ читаем под 6778 (1270/71) г.: «И взяша дома их на разграбление и хоромы рознесоша»⁸⁰, а в списках «младшего извода» под 6848 (1340⁸¹) г.: «домы их разграбиша и хоромы розвозиша»⁸². Осторожность с огнём, по-видимому, объясняется тем, что в русских деревянных городах любой пожар грозил вылиться в глобальное стихийное бедствие. Возможно, с этим связан и переход к более «экономному» методу расправы.

Нередко наказанию подвергалась вместе с виновным и его семья. Под семьёй здесь следует понимать жену и детей, о чём, как и в юридических памятниках, постоянно *explicite* говорится в летописях. Иногда дело ограничивалось только женой, как в сообщении НПЛ под 6736 (1228⁸³) г. о попытке расправы новгородских вечников с липенским старостой Душильцем; сам он «ускоци», но его жену новгородцы всё же «яша»⁸⁴. Несколько позже такая же судьба постигла жену убитого и разграбленного Смена Борисовича⁸⁵. Но, судя по всему дело тут не в каком-то гуманизме новгородцев, пощадивших детей, или в существовании дифференцированных наказаний («поток» с женой либо «поток» со всей семьёй), но в случайных факторах: детей могло не быть, наконец, толпа могла до них и не добраться. О том, что такая ситуация была возможна, свидетельствует известие той же летописи под 6723 (1215⁸⁶) г., когда жертвой новгородских вечников стал тысяцкий Якун Намнежич: новгородцы после веча «идоша на дворъ Якунь и розграбиша, и жену его яша». И уже после этого «князь повѣле яти сына его Христофора»⁸⁷. О стереотипности потока «с женою и детьми» весьма красноречиво свидетельствует описание в НПЛ под 6718 (1208/09⁸⁸) г. расправы Всеволода «Большое Гнездо» с Рязанью, который, приказав поджечь город, «...и ту я (рязанцев. — П. Л.) изма, и посла пълкы, изма жены и дѣти, а градъ их зажьже, и тако я расточи я по градомъ»⁸⁹. Поскольку здесь речь шла о «расточении» всего населения города, летописец мог охарактеризовать состав сосланных самыми разными способами, однако, и здесь он говорит о «потоке» рязанцев с «женами и детьми», а не кланов, родовых союзов или больших семей. Отнюдь не в пользу «родоплеменного» или «большесемейного» принципа наказания говорит и то, что, если виновным был князь, то кара могла распространяться на его дружину.

Таким образом, наказание, объектом которого становился не только виновный, но и его ближайшие родственники или приближённые, в принципе, соответствует архаическим «коллективистским» представлениям; но, повторим, во всех случаях жертвами становятся члены «малой семьи»: жена и дети⁹⁰. Тем самым, идея И. Я. Фроянова о «преобладающей роли больших семей на Руси XI—XII вв.»⁹¹ не находит подтверждения даже применительно к этой правовой традиции, которая должна была сохранять больше всего архаических реликтов.

Нанесение увечий в рамках этого вида наказания на Руси, по-видимому, применялось крайне редко: в летописях вообще нет бесспорных свидетельств. Единственным исключением является известие

⁷⁹ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 417.

⁸⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 88.

⁸¹ О дате см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 291, 296.

⁸² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 363. Глаголы «розвозити» и «рознести» означали «разнести», «раскидать», «разрушить» (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 150, 157).

⁸³ О дате см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 269.

⁸⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 67, 70.

⁸⁵ См.: Там же. С. 70.

⁸⁶ О дате см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 258.

⁸⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 54.

⁸⁸ О дате см.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 255.

⁸⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 51.

⁹⁰ См., например: Там же. С. 51, 54, 67, 70.

⁹¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Главные черты социально-экономической истории. СПб., 1999. С. 72.

Ип. под 6653 (1145/46⁹²) г. о расправе польского князя Владислава II с вельможей Петром Влостовичем: «...Владиславъ Ладъский кн(я)зь емъ мужа своего Петрка и слѣпи, а ѡзыка емоу оурѣза, и домъ его розѣграби, токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своеѡ. И иде в Русь»⁹³. Здесь, кроме обычных для Руси разграбления и изгнания с женой и детьми, наказание включает в себя увечные наказания: урезание языка и ослепление.

Наконец, высшей формой наказания в рамках «потока и разграбления» была **смертная казнь**. В литературе высказывалась точка зрения об отсутствии смертной казни в домонгольской Руси после Крещения. По словам А. А. Горского, «...вопреки обыденному представлению о “мрачном средневековье” в домонгольской Руси не существовало такого вида наказания за преступления, как смертная казнь»⁹⁴. Вопрос о смертной казни в домонгольской Руси заслуживает особого рассмотрения, но как элемент «потока и разграбления» она, несомненно, применялась. Ещё в 1024 г., согласно ПВЛ, Ярослав «Мудрый» расправился с волхвами в районе Суздаля: «...изъймавъ волхвы, расточи, а другыя показни»⁹⁵. При этом в данном случае наказание, по-видимому, последовало не за политическое преступление, а за убийство «в разбое», так как волхвы избивали «старую чадь» за то, что она держала «гобино», и, очевидно, грабили её. Вероятно, соответствующая норма обычного права существовала ещё до принятия Пространной Правды. Ряд упоминаний о казнях или о попытках их совершить в ходе осуществления «потока и разграбления» есть в НПЛ⁹⁶. Очень красноречивое свидетельство читается под 6738 (1230⁹⁷) г. Во время одного из конфликтов посадник Внезд Водовик «възъвари городъ всь... поидоша съ вѣчя, и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиница на вѣчи убиша; рече посадник: “ты еси мои дворъ хотель зажечи”»⁹⁸. В отличие от остальных, «политических» случаев применения смертной казни в рамках «потока и разграбления», здесь противник посадника формально обвинён в уголовном преступлении — поджоге двора, за что, как мы помним, данная кара полагалась и по «Пространной Правде». Этот пример убедительно показывает, что применение этого наказания в случае политических преступлений, когда в летописях употребляется аналогичная терминология, представляет собой отнюдь не «частное волеизъявление», «не имевшее отношения ни к судебной деятельности, ни к юридическому обычаю», как писал В. М. Живов⁹⁹, а архаический по своему происхождению способ правовой институт.

Смертная казнь за политические преступления как элемент «потока и разграбления» упоминается в летописях гораздо чаще, что, конечно, связано с кругом интересов их составителей (как мы видели, кары за убийство «в разбое» и поджог двора были зафиксированы в источниках лишь постольку, поскольку события, следствием которых они явились, имели политическое значение).

Возможно, именно в контексте «потока и разграбления» следует трактовать расправу галичан с фавориткой Ярослава Осмомысла Настаськой и их сыном, претендентом на галицкий стол Олегом «Настасьичем». Согласно сообщению Ип. под 6681 (1170/71¹⁰⁰) г., сторонники Владимира, сына Ярослава от законной жены, прислали ему такую «вѣсть»: «...ѡ(т)ца ти есмы ли и прители его, Чаргову чадь, избилѣ; а се твои ворогъ Настаська.” Галичани же накладъше ѡгнь, сожгоша ю, а с(ы)на е в заточение

⁹² О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 146.

⁹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 319. Подробнее об этом эпизоде см.: *Стефанович П. С.* Володарь Перемышльский в плену у поляков (1122 г.): Источник, факт, легенда, вымысел // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006. № 3 (25). С. 57–58, 66–67.

⁹⁴ *Горский А. А.* «Всего еси исполнена Земля Русская...». Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 101.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 148.

⁹⁶ См., например: *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. С. 26, 67, 69, 70, 88, 353, 409.

⁹⁷ См. о дате: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 269–270.

⁹⁸ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. С. 69.

⁹⁹ *Живов В. М.* История русского права как лингвосемиотическая проблема. С. 668.

¹⁰⁰ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 184. Рассказ о галицких событиях помещён в летописи между сообщениями о смерти князя Глеба Юрьевича, последовавшей 20 января и походе на Булгарию, организованном Андреем Боголюбским «тоѣ же зимы» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 564, 565). Если последовательность событий в Ип. соответствует реальной, расправа с Настаськой и её сыном должна датироваться 1171 г. от Р. Х. Но даже если это не так, галицкие события

послаша, а князѣм водивше ко кр(е)сту, ко ему имѣти княгиню въ правду, и тако оуладивъшесѧ»¹⁰¹. Внимание историков привлекало социальное и политическое содержание событий. М. С. Грушевский рассматривал их как боярскую фронду¹⁰², высказывалась также точка зрения о совместном выступлении всей галицкой «общины»¹⁰³. Однако форма, в которую было облечено политическое столкновение, в общем-то не получила интерпретации. А между тем при чтении этого летописного фрагмента возникает естественный вопрос, о чём идёт речь: о стихийной расправе восставшей толпы с неугодными лицами или о наказаниях, имевших некое юридическое оформление. Мне представляется верным второе предположение. Расправившись с Олегом и его матерью, галичане «улаживаются» с князем, т. е. заключают с ним договор, причём подкреплённый крестным целованием (в тексте указывается лишь одно его условие, касающееся интересующего летописца сюжета; это вовсе не означает, что оно было единственным). Это прямое свидетельство юридического оформления действий галичан. Очевидно, князь смирился и со ссылкой своего сына Олега, тем самым эта акция была легитимизирована. Да и сложно себе представить такой тип стихийной расправы, как отправка в ссылку («заточение»). Для этого нужно было сначала вынести решение, затем его осуществить (а для этого требовалось определённым образом, пусть и примитивным, организованное принуждение) и контролировать исполнение. Таким образом, по-видимому, галичане применили кару, полагающуюся за политическое преступление (Настаська, с их точки зрения, покушалась на права законного наследника, была его «ворогом») и основывающуюся на неких нормах обычного права. Само слово «заточение» указывает на характер этой кары: это мог быть только «поток» в наиболее суровой форме — сопровождавшийся смертной казнью через сожжение по отношению к главному «ворогу» и ссылкой по отношению к другому «ворогу».

Как будто иллюстрацией к упоминавшемуся уже выше рассказу Титмара Мерзебургского о лютичах, по которому, признанный виновным мог откупиться от «разграбления», если платил «причитающееся в соответствии со своим статусом количество денег»¹⁰⁴, являются сообщения НПЛ о поборах, взимавшихся в Новгороде с лиц, «взятых на разграбление»¹⁰⁵. Так, под 6737 (1229¹⁰⁶) г. говорится, что новгородцы у сторонников князя Ярослава Всеволодича «поимаша... кунь много и на городищанохъ, а дворовъ ихъ не грабятче, и даша на великий мостъ»¹⁰⁷. Таким образом, и на Руси виновный мог (очевидно, с согласия обвинителей) **откупиться** от суровой кары. В. Прохазка полагает,

должны датироваться двумя годами, 1170 или 1171 г., но никак не исключительно 1170 г. (ср.: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 254. Сноска). Встречается в историографии и ошибочная датировка — 1173 г., связанная, очевидно, с игнорированием исследований по древнерусской хронологии. См.: *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования. С. 557–565.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

¹⁰² *Грушевский М. С.* История Украины-Руси. Том II. XI—XIII в. Розділ VII (<http://litopys.org.ua/hrushrus/iur20703.htm>). Аналогичной точки зрения придерживался и советский исследователь истории Галицкого княжества В. Т. Пашуто (см.: *Пашуто В. Т.* Галицко-Волынское княжество // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. В двух частях. М., 1953. Ч. 1. IX—XIII вв. Древняя Русь. Феодальная раздробленность. С. 371).

¹⁰³ *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. С. 256–257.

¹⁰⁴ Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon. VI. 25 (18). S. 304. В оригинале: «...pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitaе». Выражение pro qualitate sua часто понимается в историографии как «в соответствии с размером личного дохода» или «достояния», т. е. в имущественном значении. М. З. Йедлицкий даже полагал, что упоминание здесь имущественного, как он считал, состояния свидетельствует о существовании у лютичей «уже в это время индивидуальной собственности и деления на классы» (*Kronika Thietmara / Przetł., wstępem poprz. i koment. opatrz. M. Z. Jedlicky. Poznań, 1953* (Biblioteka tekstów historycznych. Т. III. S. 351; см. также: *Procházka V.* Trest zničení a rozchvácení delikventova majetku u Slovanů. S. 257). Однако, по-видимому, правы те историки, которые усматривают здесь указание не столько на имущественное, сколько на социальное положение, а точнее — на реальное место «качество» того или иного индивида в варварском «племенном» обществе. Понимать qualitas как «социальное положение» предлагал немецкий историк Клаус Цернак (*Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen. S. 213); подробно обосновал эту интерпретацию К. Модзелевский, сопоставив сообщение Титмара с законами бургундов и лангобардов, где это выражение означало «оценку вергельда применительно к общественному статусу» (*Modzelewski K.* Barbarzyńska Europa. S. 363).

¹⁰⁵ См., например: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 24, 26, 51, 68.

¹⁰⁶ О дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. С. 262.

¹⁰⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 68.

что «существовала тенденция заменять» наказание «разграбления» штрафом¹⁰⁸, подтверждение чему он видит в 113-й статье Полицкого статута, которая, хотя и предписывает в принципе «пен» за умыкание девиц, содержит в дополнении конкретный пример наказания за это преступление некоего Степана Качунича: он и его сообщники отделались штрафом¹⁰⁹. В. Прохазка в традиции историко-юридической науки XIX — первой половины XX в. усматривает здесь эволюцию, однако, сообщение Титмара о лютичах убедительно показывает, что возможность заплатить штраф существовала и в архаическую эпоху.

Таким образом, процедура «потока и разграбления» в принципе, если не считать некоторых деталей (помимо называвшихся, можно упомянуть также использование тюремного заключения: в специальном «порубе» или в монастыре¹¹⁰, для чего в догосударственную эпоху не существовало условий), может быть признана продолжающей традиции архаического обычного права. Однако подлинно значимые перемены произошли не в формах осуществления наказания, а в том, кто имел право назначать его, и в чьих руках находилось его исполнение. Как и в случае с наказанием, наложенным Мстиславом Великим на полоцких князей, так и во множестве других случаев, это был князь, т. е. государственная власть. В этом смысле А. Поппе совершенно прав, и игнорирование этого обстоятельства сторонниками архаизации общественного строя Древней Руси кажется странным. Однако с новгородским вечем дело обстоит, думается, иначе. А. Поппе, как говорилось выше, считает, что оно выносило, а часто и приводило в исполнение соответствующие приговоры не как «народное собрание», а как «высший суверен республики». Это мнение имело бы основание, если бы так обстояло дело только в Новгороде. Но, в действительности, и в других городах вечевые собрания считали себя вправе применять репрессии, связанные с «потоком и разграблением». Под 6667 (1158¹¹¹) г. в Ип. рассказывается о покаянии жителей Полоцка перед изгнанным ими ранее князем Рогволодом, заявивших ему: «Кн(я)же нашъ, съгрѣшили есмь к Б(ог)у и к тобѣ, ѡже въстахомъ на тѧ без вины, и жизнь твою всю разазграбихомъ, и твоеѧ дружины, а самого, емше, выдахом тѧ Глѣбовичемъ»¹¹². Здесь важно то, что полочане каются именно в том, что они «разграбили» своего князя «без вины», а от права подвергать его наказанию за вину они, очевидно, отказываться не собирались. И далеко не всегда в таких сообщениях можно усмотреть проявления социальной розни. Так, в той же летописи под 6654 (1146¹¹³) г. говорится об участии в грабеже тиунов и мечников Ольговичей киевских «лучших мужей» (а начались эти грабежи сразу после веча, созванного князем)¹¹⁴. В известии о полочанах выявляется механизм осуществления наказания: горожане грабят того, кого они считают виновным (в данном случае князя) самостоятельно, а затем выдают его для дальнейших репрессий другим князьям (Глебовичам) как представителям государственной власти. То же самое мы неоднократно видим и в Новгороде. Так, под 6717 (1208¹¹⁵) г. в НПЛ говорится о том, как новгородцы заявили своему князю Константину об отказе держать неугодных им лиц (родственников и приближённых обвинённого ими в ряде преступлений посадника Дмитра Мирошкинича). «Серебро» новгородцы у них «поимаша» сами, но ссылку их за пределы Новгородской земли осуществил князь («поточи я князь къ отцю» (т. е. к Всеволоду «Большое Гнездо» — П. Л.))¹¹⁶. Дело, думается, в том, что у веча, даже новгородского, не было соответствующих инструментов для того, чтобы осуществить «поток» в подлинном смысле слова — т. е. как ссылку виновного, утратившего свою правоспособность, за пределы своей территории. Такие возможности были только у князя,

¹⁰⁸ Procházka V. Trest zničení a rozchvácení delikventova majetku u Slovanů. S. 269.

¹⁰⁹ См.: Греков Б. Д. Полица. С. 244–245. Б. Д. Греков интерпретирует это место более осторожно: «Очевидно, к этому времени (к 1605 г., к которому относится дело Степана Качунича. — П. Л.) указанный закон уже был изжит, либо тут сыграло роль привилегированное положение правонарушителя» (Там же. С. 245).

¹¹⁰ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 328, 511.

¹¹¹ См. о дате: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 157, 170.

¹¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 494.

¹¹³ См. о дате: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 147.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 322.

¹¹⁵ См. о дате: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 255.

¹¹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 51.

воплощавшего в своём лице связь Новгорода с другими русскими землями. В других городах, где вече собиралось эпизодически, таких возможностей у него тем более не было. В таких случаях «поток» и «разграбление» разделялись: второе легко осуществляло вече, для первого требовалось участие князя.

Но этим дело не ограничивалось. Порой дело доходило до того, что князь *вместе с населением* принимал участие в «разграблении». Это могло быть косвенное участие, как это было с легитимизацией Всеволодом «Большое Гнездо» грабежа Мирошкиничей в Новгороде, в результате чего он получил часть «добычи» (НПЛ под 6717 (1207¹¹⁷) г.), или даже участие прямое, как в случае с разграблением имущества Ольговичей в Киеве (Ип. под 6654 (1146¹¹⁸) г.). Летопись ничтоже сумняшеся сообщает, что после того, как Изяслав Мстиславич отправил в ссылку в Переяславль и посадил там в «порубъ» захваченного в плен Игоря Ольговича, «розъграбиша Кияне съ Изяславомъ дружины Игоревы, и Всеволожъ, и села, и скоты; взяша имъныа много в домехъ и в монастырехъ»¹¹⁹. Совершенно очевидно, что «кияне» выступают здесь не как «высший суверен» чего бы то ни было, а участвуют в трогательном по-своему патриархальном единстве с князем в имеющей весьма архаические корни процедуре «потока и разграбления».

Подводя итоги, можно сказать следующее. Истина в дискуссии сторонников архаических истоков этой кары и учёных, убеждённых в полном её перерождении в условиях средневековой государственности, как это часто бывает, лежит посередине. Древнерусские князья в значительной степени поставили «поток и разграбление» на службу себе: они либо осуществляли его сами с помощью имевшегося уже у них определённого аппарата принуждения, либо часто оказывали на его осуществление значительное влияние (даже в Новгороде). Поэтому об *институциональной преемственности* говорить, видимо, не приходится. Однако как *в самой сущности наказания как лишения правонарушителя юридической субъектности, удаления его из соответствующей политической общности, и его процедуре*, так и *в функциях и характере веча* — органа, который также имел возможность инициирования «потока и разграбления» и участия в нём (причём не только в Новгороде) — бесспорно, сохранялись архаические традиции обычного права, уходящие своими корнями ещё в догосударственную эпоху.

¹¹⁷ См. о дате: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. С. 255.

¹¹⁸ См. о дате: Там же. С. 147.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 328.